
МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

Ю.Е. Балагушкин

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ЭДВАРДУ ТИРЬЯКЯНУ

Аннотация. Американский социолог и философ культуры Эдвард Тирьякян рассматривает различные аспекты эзотерической культуры, анализирует её сущность и влияние в западном обществе, соотношение эзотерической культуры и модернизации. В качестве актуального примера эзотерической культуры Тирьякян разбирает феномен современного т.н. «окултного возрождения», который стал предметом пристального культурологического и философского анализа, что позволило выявить его многообразные проявления в духовной жизни современного общества, в том числе в среде образованной молодежи. Проблематика эзотерической культуры рассматривается исходя из её структурно-функциональных особенностей, во взаимосвязи с динамикой социокультурных отношений и процессов и с учетом концепций модернизации, выявлением специфики социокультурного инновационного потенциала эзотерической культуры. Эзотерическую культуру Э. Тирьякян расценивает как источник идейных инноваций в процессе модернизации западного общества. Анализируются глубокие изменения в социальных ориентациях и личностных позициях у адептов эзотерической культуры, а также её воздействие в целом на искусство, политику и науку. В философско-антропологическом плане рассматривается образ человека в эзотерике как личности особого типа – творца и носителя рассматриваемой специфической культуры. Отмечая детальное и глубокое исследование эзотерической культуры Э. Тирьякяном, вместе с тем трудно согласиться с его общим выводом о возможности эпохального изменения культуры современного общества под воздействием «окултного возрождения».

Ключевые слова: модернизация, «тайные общества», секуляризация демонического, неосакрализация, окултное возрождение, контркультура, эзотерическая культура, Эдвард Тирьякян, человеческая идентичность, культурная динамика.

Abstract. Edward Tiryakian, American sociologist and philosopher of culture, examines various aspects of esoteric culture and analyzes its contents and influence on Western society and the relation between esoteric culture and modernization. As an actual example of esoteric culture Tiryakian examines the modern «occult revival» which became the subject of cultural and philosophical studies revealing its diverse manifestations in the spiritual life of modern society, especially among the educated youth. The problem field of esoteric culture is considered on the basis of its structural and functional features in conjunction with the dynamics of socio-cultural relations and processes taking into account the concepts of modernization and revealing the specifics of the socio-cultural innovation potential of esoteric culture. The paper analyzes the profound changes in social orientations and personal positions of the followers of esoteric culture as well as its general impact on the art, politics and science. In terms of philosophical anthropology, the image of man in esoteric culture is considered to be a special type of personality, that of the creator and the representative of a specific culture. Even though Balagushkin emphasizes that Edward Tiryakian provided a detailed and in-depth study of esoteric culture, he finds it difficult to agree with Tiryakian's general conclusion about the possibility of an epochal change of culture in modern society under the influence of the «occult revival».

Key words: culture dynamics, modernization, secret societies, secularization of the demonic, neo-sacralization, occult revival, esoteric culture, counterculture, Edward Tiryakian, human identity.

Статья известного американского социолога и философа культуры Эдварда А. Тирьякяна «На пути к социологии эзотерической культуры» [1] была опубликована в 1972 г. и уже тогда вызвала интерес отечественных исследователей [2], но по-прежнему привлекает к себе внимание богатством осмысленного в ней исторического и теоретического материала, а также прослеживанием важных тенденций современного общества и его грядущих изменений. Это исследование имело для своего времени новаторский характер и в настоящее время не только сохранило его, но и в большой степени созвучно ведущимся сегодня дискуссиям о «загадочном» феномене эзотерики. Без преувеличения можно говорить о разразившемся буме научных исследований западной эзотерики. В последние десятилетия в нашей стране и за рубежом выходит в свет огромная масса литературы на данную тему, проводятся научные конференции (в России – ежегодно на протяжении ряда лет), защищаются диссертации, эзотерическая тема нашла свое место даже в вузовских учебных программах.

Образ человека в эзотерике

Тирьякян интересуется в первую очередь структурно-функциональными особенностями эзотерической культуры, стремится определить специфику ее социокультурного инновационного потенциала. Одновременно он затрагивает философско-антропологическую проблематику, поскольку человек (в данном случае его особый социально-исторический тип – эзотерик) является творцом и субъектом культурных, а вслед за этим – и социальных изменений. Необходимо акцентировать внимание именно на данной стороне вопроса, поскольку философско-антропологический подход позволяет выяснить не только сами механизмы формирования эзотерической культуры, но и ее исходные стимулы и мотивы. К тому же указанный подход в изучении эзотерики до сих пор остается недостаточно разработанным как российскими, так и зарубежными исследователями.

Эзотерикой принято называть комплекс различных учений, которые претендуют на обладание неким тайным знанием и сопровождаются практиками психотелесной трансформации своих адептов в сотериологических целях. Человек занимает особое, центральное и доминирующее место в эзотерике, поскольку все ее сюжеты в той или

иной мере обращены к сакрально совершенствующемуся человеку, который освобождается от пут ущербного земного мира и восходит к подлинной реальности. Эзотерика дошла до наших дней из далеких глубин прошлого, ее знают многие народы мира, она занимает весьма значимое место в крупнейших религиозных традициях Востока и Запада. Соответственно этому ее проявления многообразны, обладают особым колоритом, своей системой образов и представлений, специфическим символизмом. Тем не менее, существо и назначение эзотерики как социально-исторического явления одинаково во всех случаях. Поэтому и эзотерический образ человека однотипен по своим существенным особенностям в различных культурах, что можно проследить на всём пути исторической эволюции человеческого общества.

Образ человека в эзотерике является производным от ее метафизических построений, разделяющим бытие на два уровня: на обыденное существование, земной мир и противостоящую ему подлинную реальность, отличную от обычной физической и социологической реальности и обладающую идеальным совершенством, сакральным смыслом и значением. Это мир заветных упований эзотерика, конечный пункт его усилий на жизненном пути, мир, полностью отвечающий его идеалам. Поэтому он весьма субъективен и исключительно индивидуален, из-за чего декларируемые эзотерические реальности не совпадают между собой, что не мешает эзотерикам настаивать на их объективном существовании и утверждать, что они опытом своей жизни удостоверяют истинность каждой такой реальности.

Как отмечают исследователи, эзотерический мир, созданный «грезами духовидца» (по выражению И. Канта), в отличие от реальной действительности поддается контролируемому преобразованию. С помощью психотехники он изменяется в направлении того идеала, который провозглашает исповедуемое человеком эзотерическое учение. В этом состоит главная мотивация продуцирования изменения социальных структур под воздействием эзотерической культуры.

Согласно эзотерическим учениям, обыденный человек находится в трагической ситуации, будучи охвачен и поработан несовершенным земным миром, находится во власти заблуждений, лишен доступа к подлинному, сакральному знанию, что лишает его перспективы спасения. Кредо эзотеризма состоит в указании на выход из этого тупика путем

освобождения от косного материального мира при посредстве совершенствования индивидуальной природы человека. Этим он обретет в конечном итоге спасение (не в христианском, а в эзотерическом понимании) – мистически приобщится к подлинной, сакральной по своему смыслу и значению реальности.

В зависимости от типа эзотерических учений предусматривается один из двух путей онтологической трансформации человеческой природы: либо в результате приобщения эзотерика к высшей реальности, либо посредством радикального преобразования земного мира при одновременном преобразовании человеческого индивида. В исследовании Тирьякяна рассматривается именно второй вариант появления социальных новаций под воздействием эзотерической культуры.

Кардинальной особенностью человека в эзотерике является генеральная интенция на трансцендентное, предметом которой является сакральное. Тирьякян (вслед за Дюркгеймом) считает, что это значение принадлежит обществу, обладающему особой экзистенцией.

Трансцендентная ориентация эзотерика воплощается в его интенсивных психосоматических практиках, которым, согласно эзотерическим учениям, приписывается доминирующая роль в вопросе о средствах достижения совершенства и конечной духовно-онтологической трансформации адепта. В ходе подобных практик у человека продуцируется измененное состояние сознания, сопровождающееся кардинальным изменением его личности, что предполагает отказ от желаний, отклоняющих эзотерика от его пути, культивирование эзотерического учения, способствующего погружению в особую, эзотерическую реальность. Первейшее значение приписывается прозрению «тайного» знания в форме откровения свыше и мистической интуиции. Именно культурные интуиции, считает Тирьякян, являются конечным источником изменения социальных структур.

Западная эзотерика, создавая особые ценностно-смысловые миры для своих адептов, открывает новые измерения социокультурной системы для личности, предоставляет пространство для «бегства от свободы», а формируя канал связи с сакральным началом, предоставляет тем самым возможность для реализации властных амбиций и создаёт микромир, полный свободы самовыражения и самореализации.

Тирьякян рассматривает эзотерического человека не просто как такового, не изолировано от его социокультурного окружения и показывает ведущую роль эзотерика в цивилизационном процессе в качестве творца культурных новаций, ведущих к изменению социальных структур во всем их разнообразии. Тем самым в эзотерическом образе человека раскрывается его активность как поборника новых ценностей, обеспечивающего их реализацию в перспективе исторического развития всего общества.

Поскольку человек формируется культурой, будучи ее реципиентом, он вследствие этого является ее носителем и транслятором по линии смены поколений. Весьма существенно, что образ человека в эзотерической культуре принципиально отличен по своему смысловому содержанию и приписываемой ему исторической роли от субъекта традиционной культуры. Эзотерик выступает оппонентом и критиком культурного истеблишмента. Он является ниспровергателем господствующей культуры, объявляет её устаревшей, пустой и безжизненной, позиционирует себя в качестве творца новой культуры, культуры будущего. Он не согласен на роль реформатора современных ему социокультурных реалий, поскольку намерен превзойти их, он выступает как мессия и революционер.

Современное «окультурное возрождение»

На культурной сцене западных обществ, напоминающей ему пёстрый калейдоскоп, Тирьякян видит комплекс знаковых явлений, часто называемых «окультурным возрождением». В рамках данного процесса получили широкое распространение разнообразные формы массовой культуры, касающиеся оккультной тематики: широкое освещение в СМИ деятельности разного рода ясновидящих, колдунов, сатанистов, фактов ритуальных убийств. Продажи оккультной литературы достигли больших объёмов, появились семинары и курсы соответствующей тематики и даже был создан т.н. «Университет Водолея», предлагавший широкий спектр эзотерических учений, от алхимии до дзэн-буддизма. Характерно в связи с этим признание известного социолога и религиоведа Р. Элвуда: «Оккультизм стал значительной частью интеллектуального фундамента современного мира» [3, р. 169].

Тирьякян прослеживает имеющиеся интерпретации, предложенные для объяснения фе-

номена «оккультного возрождения». С точки зрения социологии массовой культуры, современный оккультизм выступает в роли своего рода поп-религии. Исследователи оценивают это как процесс демистификации некогда пугающих и угрожающих элементов культуры, сопровождающуюся ломкой оставшихся психических и культурных ограничений, что должно свидетельствовать об окончательном освобождении западного человека от традиционных культурных запретов в отношении сверхъестественного. Тирьякян приходит к выводу, что «оккультное возрождение, по крайней мере, что касается восприимчивости к колдовству части среднего класса, можно представить как следующую ступень в модернизации западного общества, а в данном контексте – как секуляризацию демонического» [1, p. 492]. Это соображение, как он отмечает, согласуется с гипотезой секуляризации современного общества.

В «оккультном возрождении» как массовом феномене можно выделить две области с противоположными социальными установками – оккультный истеблишмент, у которого отсутствует общественный импульс и прослеживается сходство «с некоторыми формами консервативной ортодоксии», т.е. с традиционным христианством, и современное широкое неосакральное движение, в котором усматривается сходство с религиозным и культурным обновлением, имевшим место в эпоху Ренессанса.

Тирьякян акцентирует внимание на исследованиях интереса молодежи к оккультным практикам и мистицизму, продиктованного преимущественно поиском смысла и идентичности в связи с чувством отчужденности и разочарования «в либеральной прогрессивистской идеологии своих родителей, а также в тоталитарных идеологиях» [4, p. 13]. Возникновение оккультной деятельности в студенческих городках США расценивается исследователями как симптом отчуждения молодежи от научно-рационалистического духа современного общества. Новые верования являются также милленаристскими, харизматическими и литургическими, поэтому «оккультное возрождение» следует рассматривать как неосакральное движение в современной культуре. В связи с этим Тирьякян предполагает, что секуляризация в современном обществе – это обоснованная гипотеза, и отвергает «предположение о том, что растущая секуляризация идет бок о бок с модернизацией и является её интегративной частью» [1, p. 493].

«Оккультное возрождение» вызвало существенные изменения в мировоззрении, социальных ориентациях, личностных позициях и формах межличностных отношений своих адептов, прежде всего из числа образованной молодежи. Причина в том, что оккультные практики формируют оппозицию к ментальности господствующего строя, неприятие деспотической «технократии», «упрощённой рациональности» и «объективного сознания», если использовать терминологию Т. Розака. Оккультные практики кажутся молодёжи привлекательными, поскольку являются очевидными противоположностями как эмпирических практик науки, так и деперсонализации в индустриальном обществе [1, p. 494].

Большой интерес молодёжи вызывает астрология, в частности благодаря тому, что предлагает космический символизм личностной идентичности. В массовой культуре астрология играет интегративную роль, примиряя индивидуумов с их положением в буржуазной цивилизации. Однако Тирьякян идёт дальше этих наблюдений и заявляет, что «в молодёжной контркультуре астрология является также частью нового гнозиса, который содержит революционную концепцию нового века, Века Водолея» [1, p. 494].

Помимо этого, в условиях современного массового общества обращение личности к астрологии и другим способам предсказания снижает для неё неопределённость в межличностном взаимодействии. Показательно, что вера и интерес не только к астрологии, но и к другим оккультным наукам более широко распространены среди лиц с высоким уровнем образования (колледж и университет), чем среди школьников. Таковы новые конфигурации духовного облика и поведения человека под влиянием современных оккультных настроений.

Анализируя различные работы по «оккультному возрождению», Тирьякян указывает на необходимость рассматривать его в широком контексте культурных изменений. Он видит в данном феномене как свойственную контркультуре духовную реакцию против рационалистического индустриально-бюрократического современного общества, так и новое религиозно-культурное оживление; отмечает родство «оккультного возрождения» с бурным неоевангелическим движением, переходящим профессиональные границы, а также с не менее энергичным политическим движением новых левых, прослеживает различия в социальных ориентациях и личностных позициях участников этих движений.

Архитектоника и динамика эзотерической культуры

В чём же суть эзотерической культуры? Многие, если не большинство исследователей эзотерики и, как правило, сами сторонники этой культуры, считают её существенным признаком «тайное знание». Тирьякян не принадлежит к их числу, хотя, конечно, отмечает и распространённость подобного мнения, и реальное существование в прошлом и настоящем особых «тайных обществ».

Суть эзотерической культуры намного сложнее, чем «тайное знание», и тем не менее феномен «тайного знания» (ставший почти синонимом понятия «эзотерическое знание») имеет к ней отношение по ряду причин. «Тайное знание» – это часто (но отнюдь не всегда) встречающаяся форма проявления и существования эзотерики, особенно в начальной стадии её развития, до превращения в легализованную экзотерическую культуру, в принципе доступную всем и каждому. На начальном этапе эзотерика выступает в качестве аутсайдера культуры, предназначается только для избранных, и поэтому осуществляет свою деятельность скрытно. В дополнение к этому содержание эзотерических идей и смысл ритуальных практик подвергается глубокой зашифровке, отсюда «темнота» и «загадочность» эзотерики. Вместе с тем, для этого есть и другая причина чисто внутреннего характера: эзотерическое сознание берёт начало в интуитивных «прозрениях» харизматических лидеров, обычно называемых мистическим гнозисом. В силу своего инновационного характера эзотерические идеи и представления иррациональны, расплывчатые, не опредмечены в понятийном отношении, во многом носят эмоционально-чувственный, а не логически-понятийный характер, зачастую облекаются в псевдомифологическую форму.

Данная черта эзотерической культуры накладывает несомненный отпечаток и на личности её носителей. Эзотерики причисляют себя к числу избранных, посвящённых в особого рода знания и действия, тщательно оберегаемые от внимания посторонних. Самый распространённый исторический пример – масоны, а в настоящее время к ним можно отнести и приверженцев ряда новых (нетрадиционных) религиозных объединений. Ориентированные на эзотерическую культуру личности вынуждены жить в соответствии с двумя разными стандартами – обыденному, традиционному и «сектантскому» (в широком смысле этого

слова), во внутренней изоляции от окружающего их общества. Соответственно двойственна и система их личностных ориентаций, норм и ценностей, он разделяется на явную, показную, и скрытную, которая составляет подлинные устремления эзотериков.

Так в чём же суть эзотерической культуры, если не в «тайном знании»? Последнее выступает в качестве её феноменологической оболочки и благодаря этому стало почти синонимом понятия «эзотерическое знание». Сущность же эзотерики раскрывается через её морфологию, т.е. в её структурно-функциональной организации. Ключевым моментом эзотерики как системы духовно-практической деятельности является ориентация на подлинную, высшую и совершенную реальность. Продвижение к ней осуществляется посредством совершенствования человека, прежде всего в духовно-нравственном отношении (но также в психологическом и телесном), что доктринально осмысливается в мифологии о «Пути» сакрального совершенствования. Результатом этого должна явиться онтологическая трансформация («преображение») адепта, приобщившегося к подлинной реальности, в то же время происходит и кардинальное изменение всего мира. Важную роль в указанном процессе, имеющем одновременно гносеологический, аксиологический и онтологический характер, играют два вектора противоположной направленности: с одной стороны, – отстранение и преодоление обыденного существования (вспомним, кстати, библейское положение об отказе от «ветхого» человека и соответственно от «падшего» мира), с другой стороны, – мессианская (мифологически-утопическая) установка на спасение в лучшем мире. Фактически эти два вектора реализуются в контркультурных тенденциях, свойственных эзотерической культуре, и её инновационном потенциале, задействованном в развитии различных сторон человеческой деятельности и общественной жизни.

Соответственно данным определениям характеризуется и адепт рассматриваемой специфической культуры. Эзотерик – это особый социокультурный тип человека, который ориентируется в своих помыслах и действиях на скрытую реальность, стремится приобщиться к ней посредством самосовершенствования и преобразования (т.е. аксиологической и онтологической трансформации собственной природы), а в конечном счёте добиться кардинального преобразования существующего общества. В идейно-мировоззренческом аспекте

эзотерик выступает в качестве личности гностической и одновременно герметической (подобно «Гермесу Трижды величайшему»), проникнутой мистическими и оккультно-магическими настроениями.

Эзотерик выступает одновременно в трех ролях: является носителем эзотерического сознания, субъектом эзотерической культуры (её творцом и пропагандистом, активным практиком оккультных технологий) и наконец, посредством реализации своих идей и предпочтений, – инициатором цивилизационных инноваций в мировоззрении, в искусстве, в познавательном процессе (отчасти конкурируя с наукой, отчасти дополняя и расширяя ее границы), во взаимоотношениях между людьми и даже в политике.

Как отмечалось выше, эзотерическая культура в последние десятилетия привлекает к себе внимание многих учёных за рубежом и в нашей стране. Вот что пишет о сути эзотерики один из наиболее известных в данной области отечественных исследователей, В.М. Розин: «Эзотерические учения – это призыв к кардинальному и бескомпромиссному изменению прежде всего самого себя и уж вслед за этим – мира как неотделимого от нас» [5, с. 14]. Ученые подчеркивают связь и взаимообусловленность идейной и практической стороны эзотерики, в чем проявляется ее природа как духовно-практической деятельности. М.В. Бекарюков отмечает: «теоретические построения обязательно обуславливают образ жизни адептов определенным набором практик и правил, которые упорядочивают, ритуализируют жизнь... Эзотерические знания и учения не существуют без особой эзотерической практики и эзотерической жизни» [6, с. 170].

Что же касается Эдварда Тирьякяна, он затрагивает вопрос о сущности эзотерической культуры под углом зрения ее причинно-следственной связи с процессом модернизации социокультурной системы. По его словам, «для эзотерической мысли основной познавательной моделью является модель скрытой, подспудно существующей реальности [...] которая приводится в движение постоянно движущимися и противоборствующими друг с другом силами и энергиями... Эта модель противоположна «естественной установке» (*термин экзистенциальной феноменологии – прим. авт.*), представлению о статичном, стабильном и гармоничном порядке вещей. Поэтому, как мы предполагаем, эзотерическое влияние есть в самом существе идеологии модернизации, или модернизма» [1, р. 502].

Весьма близкую оценку социально-исторического значения эзотеризма дал в конце XX в. известный российский философ и культуролог Л.В. Скворцов: «Триумф науки и научно-технического, индустриального прогресса породил доминирование позитивистского менталитета в общественном сознании; роль эзотеризма в жизни современного общества оказалась не только недооцененной, но и совершенно непонятой. Эзотеризм считался реликтовым явлением, предрассудком, доставшимся в наследство от исторического прошлого. Однако в своих новых формах эзотеризм стал существенным явлением общественной жизни в XX в. В преддверии XXI в. эзотеризм из существенного явления общественной жизни превращается в фактор выживания... Новый эзотеризм может стать фактором духовного возрождения современной цивилизации» [7, с. 47]. Аналогичные надежды на мессианскую роль эзотерики возлагал в свое время А.Г. Спиркин, позднее – Ю.В. Курносков [8].

Мы ещё вернемся к вопросу о возможных переменных, которые следует ожидать в обществе будущего под воздействием эзотерической культуры, но прежде рассмотрим ее проявления в различных сферах современной общественной жизни.

Опираясь на известную работу Дэниела Белла «Культурные противоречия капитализма», Тирьякян констатирует проявление эзотерической культуры в традиции авангардного искусства, возникшей в XIX в. в качестве контркультуры, оппозиционной по отношению к нарождающейся буржуазной культуре индустриального общества. При этом выясняется причастность оккультизма к формированию авангарда, обусловленная возрождением старой традиции гностического эзотеризма (это, видимо, должно подтверждать главный тезис Тирьякяна о современном «оккультном возрождении»). «Ценности, за которые выступает авангард – антиструктура, антиистория, радикальная свобода, короче, нигилистические и анархические ценности – являются частью этой старой западной традиции» [1, р. 503].

Неоднократно подчёркиваемый амбивалентный характер эзотерической культуры отчетливо проявился в существовании активно-утверждающего и нигилистического аспектов авангардной культуры, т.к. она ориентирована как на разрушение установленного порядка вещей, так и на непрерывное нововведение и обновление.

Развитие авангардной культуры западного общества характеризуется влиянием оккультных тем

во многом демонического и «сатанинского» содержания. В этом Тирьякян видит «литературный и политический протест против институционализации рационалистически-индустриального буржуазного социального строя» [1, р. 504]. В XVIII-XIX вв. этот протест был главным общим знаменателем движения романтизма, и эзотерическая культура многое дала для его направленности против нового общественного строя. В борьбе против новых, буржуазных ценностей объединяющими стали символы, взятые из контркультуры оккультного: ритуальная магия, «силы тьмы», сама фигура Сатаны. Оккультные темы изобилуют в творениях многих романтиков, например, Гёте, Новалиса, Готье, Нерваля, Байрона и Бодлера; она послужила им источником вдохновения. Эти оккультные темы были продолжены последующими поколениями авангардной культуры. Так, у многих сюрреалистов прослеживается связь с политикой левых радикалов, в частности, нельзя недооценить значение сюрреализма как источника вдохновения революционного движения во Франции в мае 1968 г. Такова впечатляющая, хотя далеко не полная, картина влияния и проявления эзотерической культуры в сфере искусства.

В политическом развитии современного общества эзотерическая культура также сыграла важную роль, оказав влияние на авангардные политические движения и идеологии, которые противопоставляли себя установленным режимам. Главным социальным рычагом такого протеста были «тайные общества». Тирьякян акцентирует внимание на философско-антропологическом содержании подобных идеологий, отмечая, что «все они использовали образы и символы эзотерических концепций реальности, особенно символы освобождения человека от власти тьмы (что в политической интерпретации означало избавление от ига традиционных политических институтов или иностранных угнетателей) и его вхождения в царство света, освобождённого человечества. Он приводит примеры из истории США, Франции, Италии и Боливии: «символы на большой государственной печати США (светящийся треугольник, пирамида) являются эзотерическими символами масонства, к которому принадлежали большинство отцов-основателей; так же, как и символы Французской Республики (особенно Республики 1848 г.), девиз которой «Свобода, Равенство, Братство» представляет собой идеалы масонства, сформулированные до Французской революции. Симон Боливар, освободитель Южной Америки от испанско-

го владычества, также вдохновлялся масонскими идеалами, как и Гарибальди в Италии» [1, р. 505].

Тирьякян особо отмечает, что далеко не все тайные общества могут считаться прогрессивными, в некоторых случаях они имеют реакционный характер. Это относится в первую очередь к обществу Туле, сыгравшему скрытую роль в формировании нацизма. Таким образом, эзотерическая культура с её богатством образов и сложным символизмом многовариантна в плане своего возможного политического выражения. Она даёт средства против существующего порядка, кладя в основу политической мысли и действия реальность, выходящую за пределы повседневной жизни, но которая при этом может актуализироваться в историческом будущем, при изменении существующего миропорядка.

Рассуждая о вкладе эзотерической культуры в развитие современной западной цивилизации, Тирьякян затрагивает вопрос об её отношениях с научной мыслью. Он отмечает, что в результате созданного эмпириками и позитивистами образа объективной реальности, измеримой эмпирическими средствами и существующей независимо от субъекта, были поставлены вне закона и обесценены практики оккультной науки. «Тем не менее, как ни парадоксально, эзотерические влияния в форме символизма, образов, практик и космологий во многом являлись основой возникновения научных дисциплин. Астрология и теософия являлись также частью культурного багажа, который был в большей мере использован, чем отвергнут такими учёными-модернизаторами, как Кеплер и даже Ньютон» [1, р. 507].

При всей справедливости сказанного Тирьякяном о вкладе «оккультных наук» в историческое становление современных научных дисциплин, не всегда и не везде можно согласиться с представлением «оккультного возрождения» в качестве ведущего фактора, формирующего человеческую культуру, в частности, это касается области науки. Следует отметить, что в научном сообществе многие воспринимают эзотерику критически, в связи с тем, что современная эзотерика нередко выступает в наукообразном облике, апеллирует к науке, провозглашая принцип «единства науки, религии и философии» [9, с. 92-98]. Однако научная картина мира кардинально отличается от эзотерической: представления эзотерики по основополагающим проблемам происхождения мира, жизни, человека, космологии, биологии, палеонтологии и

других наук находятся в противоречии с научными данными. В отличие от науки, эзотеризм не ведёт поиск решения проблемы, а предлагает ответы изначально, а метод получения этого знания научно не воспроизводим и не может быть рационально доказан [10]. Вместе с тем, эти различия позволяют нам лучше понять специфику эзотерической культуры, выступающей на протяжении всей истории человечества важным фактором его цивилизационного развития.

Резюмируя воззрения Тирьякяна на эзотерическую культуру, следует акцентировать внимание на сложность её структурного строения и динамики функционирования. Эзотерическая культура опирается и исходит из особой парадигмы – представления о существовании трансцендентной реальности, по существу, сакральной, превосходящей существующую обыденную реальность в онтологическом, аксиологическом и гносеологическом значении. Доступ или приобщение к ней обусловлены получением мистического опыта, позволяющего «заглянуть» в потусторонний мир, либо успешным продвижением по пути сакрального совершенствования, дающего, в конце концов, возможность приобщиться к этой подлинной реальности. Тирьякян особо отмечает, что скрытая от взора непосвящённого подлинная реальность обладает рядом специфических свойств: динамичностью, внутренней противоречивостью, потенциальной возможностью оказывать действительное воздействие на обыденную реальность, находящуюся обычно в статическом состоянии и не способную к самостоятельным изменениям и развитию. Чтобы прийти в движение, сложившиеся социальные структуры и культурные стереотипы нуждаются в побудительном воздействии со стороны эзотерической культуры, которая при этом актуализирует приоритеты, ценности, образы и конфигурации своей активности из высшей структуры бытия.

Подобная трактовка эзотерической культуры, несомненно, отмечена влиянием феноменологического подхода к религии, в то же время, представления об извечности эзотерической культуры, её имманентности культурному потоку свидетельствуют, по-видимому, о симпатиях Тирьякяна к теософской метафизике для объяснения истоков, основы и способа функционирования эзотерической культуры. Тирьякян в определённой мере романтизирует современное «окультурное возрождение» как по существу, так в части его воздействия на человека и общество.

Эзотерики – творцы новой социокультурной реальности

Эзотерическая культура, по Тирьякяну, играет настолько важную историческую роль, что определяет многие аспекты западной модернизации, более того, сама идеология модернизации берёт начало в эзотерической культуре. Процесс актуализации эзотерической культуры, включение её содержания в новую экзотерическую, общепризнанную культуру носит противоречивый характер. Это видно на примере того, что современная западная цивилизация, начиная с эпохи Возрождения и Реформации, всё больше загоняла эзотерическую культуру в андеграунд контркультуры, хотя в то же время заимствовала многие её ценности и результаты. Тем не менее, эзотерическая культура так и осталась важным распространителем контркультуры на Западе.

Активизация влияния эзотерической культуры в обществе имеет форму противоборства нового со старым. Возникшие у эзотериков и в образованных ими «тайных обществах» новационное понимание действительности формируется в новую культурную (эзотерическую) парадигму. Одновременно она противопоставляется институционализированной парадигме экзотерической культуры господствующего строя. В определенных исторических условиях новые культурные приоритеты и императивы деятельности охватывают своим влиянием всё общество и, таким образом, выступают средствами социальных и культурных изменений. Оценивая функциональное значение эзотерической культуры в обществе в целом, без преувеличения можно сказать, что она несёт широкий спектр инноваций в культуре, искусстве, политике и даже науке.

Главными источниками вдохновения культурных и социальных инноваций является не только сама по себе эзотерическая культура, но также активная группа посредников между эзотерической и экзотерической культурой, иницирующих социальную адаптацию новационных идей и их использование в новых социальных проектах. Это хорошо показано Максом Вебером в исследовании родства аскетического протестантизма и этической основы современного капитализма: протестантские идеологи и моралисты сыграли неопределимую роль в становлении последнего. При этом Тирьякян отмечает, что сложность проблемы установления связи эзотерической культуры и социальных инноваций в

эзотерической культуре даже большая, чем в случае с протестантизмом. Таковы методологические трудности проблемы выявления связей между эзотерическим символизмом, образами, концепциями реальности и целенаправленным социальным поведением. Вопрос в том, как концепции строения реальности (в данном случае – мифологемы и идеологемы эзотериков) преобразовываются у реформаторов общественного строя в парадигмы социального действия и социальные образования.

Итак, Тирьякян убежден: проблема «окультурного возрождения» имеет настолько глобальное значение, что речь идёт о необходимости переосмысления с учетом данной тенденции самого процесса модернизации. При этом подразумеваются вполне конкретные концептуальные построения современных эзотериков, которые он и рассматривает в качестве факторов и компонентов нового этапа в развитии общества модерна. Это контркультурные социальные проекты Теодора Роззак, Тимоти Лири, Ричарда Олперта, Алана Уоттса и другие подобные футурологические утопии, в которых провозглашается стратегия скачкообразного перехода человечества на новую ступень исторического развития благодаря отказу от индустриального производства и замены его оккультными «технологиями». Именно эти эзотерические новации и расцениваются в качестве дальнейшего продвижения общества в процессе модернизации.

Что конкретно имеется в виду? Какой вклад современное «окультурное возрождение» обещает внести в развитие модернизации? Один из наиболее известных и влиятельных сторонников оккультного возрождения Т. Роззак, автор бестселлера «Создание контркультуры» выступает против научно-технического прогресса и секуляризации, считая эти культурные явления в ходе исторического развития признаками деградации развитого индустриального (капиталистического) общества и его «духовного опустошения». Он отвергает «технократическую политику и научную форму сознания, с помощью которых технократия старается узаконить свою власть» [11, р. 21], предлагая в качестве альтернативы воспользоваться «достижениями» первобытного и древнего общества – магией, мифом, мистерией. Он даже предвещает, что «технологией будущего станет магия». Представляется, однако, что данные предложения скорее являются противоположностью модернизации, т.е. эволюцией современного эзотеризма в сторону исторической архаики.

Не менее утопичны проекты лидеров психоделического движения, или «наркотической революции» использовать препарат ЛСД для социальной модернизации. Использование этого наркотика в «окультурном возрождении» XX в. по праву можно характеризовать как неосакрализацию – в смысле обогащения арсенала сакральных артефактов и построения новационных оккультных доктрин. Неслучайно Т. Лири называл ЛСД «западной йогой» и утверждал, что с его помощью можно достичь «экстатического откровения», «выйти в потустороннее» и даже «встретиться с Богом» [12, р. 242].

О неосакрализации Тирьякян говорит при характеристике распространения религиозно-мистических новаций, которые расценивает в качестве противовеса процессу секуляризации. Обобщая результаты проведенного А.М. Грили исследования религиозно-мистических настроений в среде американской молодежи [13], Тирьякян приходит к выводу, что «окультурное возрождение следует рассматривать как неосакральное движение в современной культуре, которое самим своим присутствием является дополнительным свидетельством против предположения о том, что растущая секуляризация идёт бок о бок с модернизацией или является её интегративной частью» [1, р. 493]. Таким образом, Тирьякян ещё раз подтверждает, что связывает перспективы модернизации с «окультурным возрождением», а не с секуляризацией, порождаемой научно-техническим прогрессом, который критикуется идеологами «окультурного возрождения».

Остановимся подробнее на их аргументации, чтобы яснее понять, какой должна быть модернизация общества с этой точки зрения. Наиболее конкретно на этот счет высказался Т. Лири в книге «Политика экстаза», получившей широкую известность в западных странах. Он расценивал пропаганду и распространение галлюциногенов в качестве «политики» глобального переустройства человеческого общества, начиная от сферы сознания и вплоть до экономики и взаимодействия с окружающей природной средой. В этой связи Т. Лири называл себя «упорным отрицателем проникнутого страхом буржуазного конформизма» [14, р. 385]. Он уверяет, что ЛСД способен произвести переворот в сфере обмена и производства: «Психоделическая индустрия может вовлечь в свою сферу больше рабочей силы, чем ее было занято в автомобилестроении за последние двадцать лет» [12, р. 118]. Далее Лири утверждает, что ЛСД «неизбежно революционизирует наши методы обучения, воспитания

детей и социальное поведение», приведет к совершенно иному образу жизни [12, p. 130].

Пропагандистов и торговцев наркотиками (их, по Тирьякяну, следует причислить к последователям эзотерической культуры) Лири выдает за движущую силу психоделической революции и пишет, что торговцы наркотиками, музыканты и «подпольные» художники и писатели (т.е. представители литературно-художественного авангарда, часто фигурирующего в качестве оппозиционно настроенного андеграунда) составляют три группы, осуществляющие эволюцию Нового Века. Ещё в самом начале этого движения Лири предрекал, что «в течение двадцати лет каждый социальный институт будет трансформирован новым пониманием, возникшим из экспериментов по расширению сознания» [12, p. 59]. Таким образом, установка на модернизацию всего содержания и уклада современной общественной жизни всегда чётко прослеживалась у деятелей оккультного обновления. Этот проект правильнее было бы назвать «контрмодернизацией», или социокультурной деградацией общества, противостоящей цивилизационному прогрессу. Таким образом, «оккультное возрождение» в современную эпоху подводит нас к переосмыслению процесса модернизации, его направленности и содержания.

Современное «оккультное возрождение» далеко не сопоставимо (прежде всего, по своим социокультурным последствиям) с аналогичными явлениями, неоднократно наблюдавшимися в истории западной цивилизации в переломные периоды ее развития. Тирьякян называет их критическими периодами перехода от одной культурной матрицы к другой и в качестве примера указывает на период Ренессанса и Реформации, когда «отмечалось значительное оккультное возрождение, в котором эзотерическая культура стала главным средством новых внешних выражений и мировоззрений, источником новых ценностных ориентаций» [1, p. 509]. В ходе указанных социальных изменений новые идеи сместили прежние институализированные парадигмы, и конечным результатом явился стохастический процесс изменения, а не процесс длительного развития. «Это был процесс, отмеченный приспособительными мутациями культурного кода западной цивилизации» [1, p. 509].

Общий вывод исследования Тирьякяна таков: эзотерическая культура представляет собой путь, ведущий к появлению новых социокультурных образцов, структур, утопий – такова результативность воздействия эзотерической культуры на общество.

Тирьякян убедительно, на конкретном материале показывает инновационное значение эзотерической культуры в истории.

Вместе с тем, нельзя полностью согласиться, что «оккультное возрождение сравнимо с аналогичными предшествовавшими ему феноменами, даже включая современную критику институционализированной рациональности, критику, принимающую иррациональные формы в нынешнем поколении» [1, p. 510]. Речь идёт о расцвете эзотерической культуры периода упадка Римской империи и о сдвиге культурных парадигм периода Ренессанса и Реформации. По своему значению эти два периода всё же отличались друг от друга, в том числе и в плане эзотерической культуры, имевшую противоположную направленность: социокультурной деградации – в первом случае и становления человека и общественных отношений, науки Нового Времени – во втором случае.

Тем не менее, можно вполне согласиться с Тирьякяном, что важной задачей исследования оккультного является «разобраться в иррациональном, его видах и условиях проявления, так же, как и возможных социетальных последствиях» [1, p. 510]. К этому следует добавить его предостережения о возможных негативных последствиях увлечения иррациональным, ставшего мотивом злодеяний сектантской «банды Мэнсона» и пугающего оккультизма Третьего Рейха.

Для более полного понимания и оценки воззрений Тирьякяна на проявления эзотерической культуры в современную эпоху, в частности на распространение влияния оккультизма среди молодежи, целесообразно провести сопоставление с работами культурологов из ФРГ, вышедшими 10-20 лет спустя после опубликования рассматриваемой нами работы американского учёного. Западногерманские ученые в свою очередь проявили большой интерес к проблеме «оккультного возрождения» в условиях современного «общества модерна», особенно под углом зрения влияния этого феномена на молодое поколение, провели многочисленные исследования эмпирического характера, проанализировали роль и значение возрождения магических воззрений и практик среди своих современников. При этом они уделили большое внимание теоретическому, культурологическому и философскому осмыслению собранного материала.

В частности, заслуживает внимания выдвинутая Карло Монгардини концепция двух исторических типов магии, соотносимых с архаикой и

модерном. Его воззрения подхватывает и развивает применительно к молодежной проблематике с привлечением большого фактического материала Вернер Хелшпер в основательной монографии «Оккультизм – новая молодежная религия? Символизм смерти и зла в молодежной культуре».

К. Монгардини, рассматривая взаимосвязь магии и модерна, прослеживает различие между «доинституциональной магией» архаических обществ и «возвращением магического» в обществе модерна, вызванного сменой основания, на котором возникло магическое. В сильно модернизированных обществах антиинституциональную магию может порождать невиданная и непостижимая сложность социального. «Поскольку возрастающая сложность социального отодвигает индивидуумов на задний план, либо заключает их, по выражению Вебера, в стальную конструкцию, они снова воспроизводят – в качестве реакции на это обстоятельство – свою магическую установку, чтобы обуздать кажущиеся неукротимыми силы» [15, s. 21]. Тем самым, – заключает В. Хелшпер, – «антиинституциональная магия» представляет собой форму протеста... В обществе модерна адресатом неповиновения со стороны «антиинституциональной» магии в меньшей степени является религия, значение которой понизилось до уровня социального института второго ранга, но прежде всего – могущественные социальные системы и монополии» [16, s. 42].

В противоположность Тирьякяну, опирающегося на идею Дюркгейма о государстве и институте частной собственности как необходимых условиях самореализации индивида (см. его работу «Социологизм и экзистенциализм [17, p. 59]), западногерманские философы акцентируют свое внимание на отчуждении человека от общества, характеризуя этот феномен как «недомогание» модерна [18], вводят понятие «общества риска», обозначающее вступление модерна, прежде всего технологически-рационального индустриального общества, в свою катастрофическую стадию [19]. Опираясь на эти представления В. Хелшпер, осмысливает роль и значение оккультизма, в частности магии, во многом иначе, чем полагал Тирьякян, видевшей в ней новую ступень в развитии модерна. Западногерманский ученый пишет: «Космос современного общества риска социально сконструирован, пожалуй, более рискованным, нежели в архаических культурах, в которых неуправляемость природой и миром должна преодолеваться магическим образом. Антиинституциональная магия, будучи

признаком катастрофического модерна, явилась не только ответом на отчужденность и представляющую непреодолимую власть социального, но также результатом... социально обусловленной отброшенности неподвластного влиянию человека и угрожающего ему мира на уровень «архаики модерна» [16, s. 43].

Таким образом, и через 20 лет спустя после выступления Тирьякяна нет единого понимания «оккультного возрождения», его оценки прямо противоположны, что подтверждает актуальность затронутых американским учёным культурно-исторических проблем.

Заключение

Своё исследование эзотерической культуры Тирьякян завершает прогностическим выводом глобально-исторического масштаба: если мы убедимся, полагает Тирьякян, что современное «оккультное возрождение» представляет собой «неотъемлемую часть процесса формирования новой культурной матрицы», то «увидим (с третьим глазом или без него), что Век Водолея – главное социологическое событие» [1, p. 510].

Прошедшие четыре десятилетия с момента написания статьи Тирьякяна позволяют сделать вывод, что современное «оккультное возрождение» оказало значительное воздействие на человечество, причём больше в международном, чем национальном масштабе, как отмечал сам исследователь.

Можно не согласиться с общим выводом Тирьякяна о возможности кардинального, эпохального по своим историческим масштабам изменения культуры современного общества под воздействием тех религиозно-мистических новаций, которые он называет «оккультным возрождением», но ни в коем случае нельзя недооценить значение предпринятого им детального и глубокого исследования эзотерической культуры. Тирьякян безусловно является одним из самых серьезных исследователей современной эзотерической культуры в ее многочисленных социальных проявлениях, системно-структурного строения этого феномена и социокультурных особенностей особого типа личности – эзотерика, творца и носителя рассматриваемой специфической культуры. Образ человека в эзотерике, несомненно, является ключом к пониманию новационных интенций эзотерической культуры и порождаемых ею изменений социально-политических структур общественного организма.

Список литературы:

1. Бекарюков М.В. Роль западной эзотерики в формировании ценностно-смысловых миров культуры и личности: Автореф. дис. ... канд. филос. н. Барнаул, 2012.
2. Берژه Ж., Повель Л. Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии. М.: Изд. центр «Российский раритет», 1992.
3. Гоголицын Ю.М. Тайные правители человечества, или Тайные общества за кулисами истории. СПб.: Золотой век, 2000.
4. Гуревич П.С. Социологический анализ нетрадиционной религиозности // США глазами американских социологов. Политика, идеология, массовое сознание. Кн. 2 / Отв. ред. В.Н. Иванов, Ю.Н. Давыдов. М.: Наука, 1988.
5. Дискурсы эзотерики (философский анализ). М., 2001.
6. Курнос Ю.В. Тайные доктрины вчера и сегодня (Эзотеризм как культурно-исторический феномен). М., 1996.
7. Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия / Под ред. С.В. Пахомова и др. СПб., 2008.
8. Назаров В.Н. Введение в эзотерику. М., 2008.
9. Розин В.М. Эзотерическое мироощущение в контексте культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
10. Розин В.М. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. М.: Едиториал УРСС, 2002.
11. Скворцов Л.В. Гипотетический эзотеризм и гуманитарное самосознание. М.: ИНИОН РАН, 2000.
12. Кристол И. Контркультуры / Пер. М.А. Султановой // Педагогика и просвещение. 2012. № 4. С. 39-46.

References (transliteration):

1. Bekaryukov M.V. Rol' zapadnoi ezoteriki v formirovanii tsennostno-smyslovykh mirov kul'tury i lichnosti: Avtoref. dis. ... kand. filos. n. Barnaul, 2012.
2. Berzh'e Zh., Povel' L. Utro magov. Vlast' magicheskikh kul'tov v natsistskoi Germanii. M.: Izd. tsentr «Rossiiskii raritet», 1992.
3. Gogolitsyn Yu.M. Tainye praviteli chelovechestva, ili Tainye obshchestva za kulisami istorii. SPb.: Zolotoi vek, 2000.
4. Gurevich P.S. Sotsiologicheskii analiz netraditsionnoi religioznosti // SShA glazami amerikanskikh sotsiologov. Politika, ideologiya, massovoe soznanie. Kn. 2 / Otв. red. V.N. Ivanov, Yu.N. Davydov. M.: Nauka, 1988.
5. Diskursy ezoteriki (filosofskii analiz). M., 2001.
6. Kurnosov Yu.V. Tainye doktriny vchera i segodnya (Ezoterizm kak kul'turno-istoricheskii fenomen). M., 1996.
7. Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Istoriya. Psikhologiya. Filosofiya / Pod red. S.V. Pakhomova i dr. SPb., 2008.
8. Nazarov V.N. Vvedenie v ezoteriku. M., 2008.
9. Rozin V.M. Ezotericheskoe mirooshchushchenie v kontekste kul'tury // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 1993. № 5.
10. Rozin V.M. Ezotericheskii mir. Semantika sakral'nogo teksta. M.: Editorial URSS, 2002.
11. Skvortsov L.V. Gipoteticheskii ezoterizm i gumanitarnoe samosoznanie. M.: INION RAN, 2000.
12. Kristol I. Kontrkul'tury / Per. M.A. Sultanovoi // Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 4. S. 39-46.